
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ТРИ КЛАССИКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поздняя осень этого года оказалась богатой на литературные юбилейные даты. Настолько значимые, что грехом было бы упустить хотя бы одну из следующих трех: 300-летие со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и родоначальника русской поэзии Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765); 190-летие со дня рождения гения русской литературы Федора Михайловича Достоевского (1821—1881); 190 лет назад родился великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов (1821—1878). Аж дух захватывает при одном перечислении имен...

В литературном признании Ломоносову несколько не повезло, хотя причина этого совсем не озорчатая: приоритет Ломоносова-ученого, точнее — первого русского ученого-энциклопедиста. Для сравнения: великий Гёте также являлся ученым-энциклопедистом, трактаты которого по естествознанию, биологии, морфологии, его знаменитое «Учение о цветах» и пр. во многом определили развитие ценных отраслей науки, но... все это отодвинуло на второй план признания литературное творчество автора «Фауста» и «Западно-Восточного дивана».

Итак, что мы, говоря «усредненно», знаем о Ломоносове-поэте? К сожалению, очень немного и то со школьной (советской, так как за нынешнюю не ручаюсь) парты: писал оды на табельные дни императрицы Елизаветы Петровны, а пара-тройка од «досталась» и молодой императрице Екатерина Алексеевне. Не забыт был и краткосрочный император Петр Федорович в 1762 году и их с Екатериной сын — будущий император Павел Первый.

Еще помним, что сочинял Михаил Васильевич духовные оды, похвальные надписи — эпитафии, послания, стихотворения. Создал героическую поэму «Петр Великий», пару трагедий. Его же перу принадлежат и переводы из античных поэтов: Гомера, Вергилия, Лукреция, Ювенала.

Меж тем, значение Ломоносова для становления русской светской поэзии невозможно переоценить. Причем как практика, так и первого теоретика русского стихосложения. В части последнего ломоносовские «Письмо о правилах российского стихотворства» и «Предисловие о пользе книг церков-

ных в российском языке» направляли и предвосхищали труды по стихосложению многих теоретиков русской поэзии конца XVIII — начала XX вв.

В части же практики стихосложения именно с Ломоносова начинается отход от сугубой, архаичной силлаботоники и переход к ясным формам русской поэзии XIX—XX вв. Именно по «оси» Ломоносов — Державин — Пушкин преодолевалась художественно-поэтическая ограниченность классицизма в русской светской литературе.

Как отмечают многие литературоведы, в частности, А. А. Морозов (см. «Избранные произведения» М. В. Ломоносова в Большой серии «Библиотеки поэта», 1965): «...Отголоски ломоносовских стихов слышатся в «Полтаве» и «Медном Всаднике» и других произведениях Пушкина... От Ломоносова через Державина и Пушкина пролегает путь к лирическому напряжению Тютчева. «Громокипящий кубок с неба» — это ломоносовская традиция!»

*«Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни една древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю».*

...А теперь сопоставьте эти стихи Ломоносова с пушкинским их «переводом» — «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»? — Вот это и есть поэтическая традиция в русской поэзии, которая — поэзия — обязана Ломоносову своим истинным рождением.

Думается, что не дерзким покажется следующее сравнение. Как начинающий поэт, конечно, наделенный соответствующими чертами способностей, таланта, в первых своих стихах не в полной мере адекватен в части рифмы и ритмики, соотношения мысли и образности ее выражения, то по мере творческого взросления все это выравнивается, поэзия его становится законченной и самодостаточной в рамках отведенного богом и прилежным ученичеством дарования.

Это же относится и к поэтической традиции в ее исторической генеалогии: Ломоносов — Державин — Пушкин — и так далее до «серебряного века» русской поэзии.

Достоевский и Некрасов родились с разницей в тридцать дней в одной году — в 1821-м, исторически памятным для России как год окончательного оформления декабристского движения — создания Северного и Южного обществ.

Многое, чисто внешнее, социально-поведенческое, связывало по жизни Федора Михайловича и Николая Алексеевича. И всего разница в три с половиной года в числе прожитых лет, и весьма неблагоприятная молодость: Достоевский — на катор-

ге по делу петрашевцев, а Некрасов в полной нищете, когда, по воспоминаниям Панаевой, он снимал комнатушку, из которой хозяйка из-за хронической неуплаты вынесла всю мебель, так что свои стихи Некрасов писал на подоконнике, а спал на полу, подстелив единственное свое пальто...

Также к концу жизни оба они обрели, особенно Некрасов, как «наследник всех своих родных», достаточное благополучие. Та же Панаева в своих воспоминаниях пишет, что когда у Некрасова завершилась бедная молодость и зрелость, он стал невероятно богат, жил в роскошном доме, выписывал из-за границы дорогие охотничьи ружья и собак, а на его ужины стекался весь петербургский бомонд: литературный и дворянский. Лучший повар в столице был у Некрасова. Он словно стремился неумеренной роскошью подавить в себе тягостные воспоминания о постылых годах бедности и душевного неюта.

И еще Достоевского и Некрасова роднила неумная страсть игрока. Но если для Некрасова карты всегда выпадали счастливыми («Сегодня с утра выиграл шестьдесят тысяч, но все их и спустил. Ничего, к вечеру наверстаю...») — по воспоминаниям Панаевой), то автору «Игрока» хронически не везло. Именно бесконечные проигрыши не дали Достоевскому возможности относительно благополучной жизни. Но это было и причиной торопливости, даже небрежности Федора Михайловича в написании своих гениальных книг.

Задолжав после очередного крупного проигрыша, Достоевский подписывал с издателем — под аванс для расплаты с долгами — кабальный договор: за три месяца написать большую повесть. Где же тут взять время на отточенность своего пера? Сам он оправдывался: нет у меня времени и достатка, как у графа Толстого, чтобы обдумывать каждую фразу — время по договору прижимает! Подумайте непредвзято: если бы не творческий гений Достоевского, то много ли нашлось читателей «необструганных» его по грамматике и стилистике книг?

Но гений есть гений. И даже источник его личных мучений — пагубная болезнь, эпилепсия применительно к людям творческим именуется болезнью гениев... И если Ломоносов явился родоначальником русской национальной поэзии, то Достоевский признан как мировой родоначальник: от жанра детектива до психологического романа. Что ни книга его, так уникальное, не имевшее доселе места, явление литературы: типология национальных характеров — три русские характера в «Братьях Карамазовых»; формирование человеческой личности в «Подростке»; «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы», «Игрок» — их не только невозможно спутать, но и читать-то каждую книгу можно только перенастроив свое восприятие к новому повороту творческого гения Достоевского.

Определенная антитеза ему — Некрасов. Опять же при

всех, названных выше, обстоятельствах внешней их схожести. От ранних его стихов до «Кому на Руси жить хорошо» и до «Последних песен» — творческого завещания тяжело больного поэта, Некрасов, говоря современным языком, поэт — глубоко социально-нравственный. Причем эту доминанту его творчества ни на йоту не изменили ни годы его материального благополучия, ни редакторство в ведущих русских литературных журналах второй половины XIX века — высшей поры мирового признания русской литературы.

Самое существенное, что произведения Некрасова настолько глубоко национальны и не теряющие своей актуальности с течением времени, что у него «каждая строка в лыко» была и при жизни поэта, и сейчас, за сотню с лишком лет спустя. Прodelайте опыт, который не займет у вас, читатель, много времени и не потребует каких-либо усилий, а именно: раскройте любую книгу Некрасова и, как при чтении библии, наугад прочитайте любое его стихотворение, поэму, ту же «Железную дорогу», «Кому на Руси жить хорошо», «Сашу»... И «примерьте» к сегодняшней русской жизни. Ответ будет один: это о нас, нынешних, написано!

...Не зря же веселые ребята-диссиденты так любили осовременивать пролог к поэме Некрасова: «Кому живется весело, вольготно на Руси? — Полковнику милиции, начальнику партийному...» и так далее в разных вариантах «осовременивания». Про нынешние же времена и говорить нечего. Того и гляди, что районный суд в Таганроге, недавно прославившийся вынесением судебного вердикта... Льву Толстому (см. «Литературную газету»), обвинит Николая Алексеевича в терроризме, отрицании общечеловеческих ценностей (то есть денег), антитолерантности, проповеди национальной, религиозной и социальной (это все статьи Конституции) розни и приговорит заочно и по-смертно к пятнадцати годам каторги условно. Условно — за дворянское происхождение, столь уважаемое ныне (это как Шарикову дали столько же лет условно за пролетарское происхождение...).

Но Некрасов был не только великим русским поэтом. Не менее значимы его заслуги, опять же говоря современным языком, в качестве главного редактора сначала возобновленного им пушкинского «Современника», но особо — «Отечественных записок», которые он сделал лучшим русским литературным журналом XIX века. Впрочем, без малейшей натяжки, сюда можно отнести и век двадцатый, и век начавшийся... Ибо второго такого редактора у нас больше не было.

Из «Отечественных записок» Некрасова «вышли» все великие и выдающиеся писатели России второй половины XIX — начала XX вв., включая Толстого и Достоевского. Нелишним будет заметить, что грамматическую «небрежность» последнего во многом правил Некрасов как редактор журнала. С полным правом можно утверждать, что, продолжив дело Пуш-

кина в «Современнике», Некрасов уже в «Отечественных записках» создал и закрепил традицию квалифицированного, творческого редактирования, которая продержалась к нашей стране вплоть до конца восьмидесятых годов двадцатого века. Увы, этому, как и многому, если не всему, лучшему в русской, советской литературе приходит на смену безвкусица, небрежность во всем: от тематики до полиграфического исполнения.

...В настоящем номере «Приокских зорь» так или иначе отмечены все три великие юбиляра. Надеемся, в части 190-летия Некрасова отзовется юбилейный Некрасовский комитет. Во всяком случае, мы предложили его руководству использовать страницы нашего журнала под юбилейные материалы.

...Поскольку нельзя объять необъятное, тем более в рамках одного номера журнала, то материалы к Юбилею Ф. М. Достоевского будут опубликованы в № 1, 2012 «Приокских зорь».

